

Розділ I. *Вияви релігійної свободи і практика їх обмежень*

М. Бабий, С. Присухин

1.1. СВОБОДА СОВЕСТИ И СВОБОДА РЕЛИГИИ: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

Проблема свободы совести и свободы религии многие годы уверенно занимает важное место в системе религиоведческого знания. Есть основания говорить о становлении новой отрасли — правологии религии. Острота дискурса порождает скепсис относительно логики определений, обобщений и выводов, что в целом не отрицает возможности новых исследований содержательных характеристик этой религиоведческой дисциплины.

Известно, что в структуре современного религиоведения новое дисциплинарное образование — правология религии — приобретает все большую актуальность, как в теоретическом, так и в практическом значении. На основании исследований украинских и зарубежных философов права, ученых религиоведов, историков и теоретиков права по вопросам религии, известных богословов происходит осмысление научного религиоведческого понимания сущностных характеристик правологии религии, в том числе очерчивается проблемное поле, в границах которого эта отрасль религиоведческой науки сформировалась и продолжает развиваться.

В таком контексте правология религии предстает как одна из важнейших научных дисциплин, которые создают архитектуру современного религиоведения. Определение понятия «правология религии» до сегодняшнего дня находится в процессе становления, более того, связанные с ним термины по своему содержанию не охватывают все многообразие предметного поля, которым надлежит заниматься этому дисциплинарному образованию. В более широкой «диспозиции» целесообразнее было бы использование таких терминологических конструктов, как «юридическое религиоведение» или «правовые аспекты религиоведения». Однако в данной статье авторы в качестве рабочего понятия используют понятие «правология религии», соотнося его содержание с широкой совокупностью теоретических проблем, подлежащих экспликации этой религиоведческой дисциплиной.

По мнению авторов, правология религии — это не просто результат субъективного желания религиоведов создать еще одну дисциплину в системе религиоведческих наук, а следствие объективной необходимости, которая обусловлена острой потребностью системного подхода в изучении бытия религии как социального феномена через призму его правовых проблем. Правология религии не только описывает, констатирует религиозно-правовые феномены и отношения, а в обобщенном виде существует в форме аналитическо-правовой теории, учитывая ее историю и религиозную и светскую сферы проявления. Таким образом, она выполняет своего рода «социальный заказ» на специальное системное познание проблем права и религии, а в их взаимодействии — юридических основ свободы бытия последней. Религия предстает как один из весомых факторов общественной жизни людей и образует институт, неотъемлемый от основ человеческого существования в его социальном и правовом аспектах, в плоскости взаимодействия религии, верующих, государства, общества, их взаимоотношений и взаимовлияний.

Вышесказанное актуализирует необходимость более глубокого изучения природы взаимосвязи права и религии, а именно: а) внутреннего комплекса религиозных канонів, норм и предписаний в их регулятивной сущности, в общественном и индивидуальном измерениях; б) светских правовых императивов, которые имеют отношение к внешнему проявлению бытия религии в обществе, религиозной деятельности в целом. Ранее эти проблемы были предметом экспликации в философии, социологии религии, юридической науке, что в определенной степени ограничивало возможности углубленного и прежде всего системно-логического и теоретического их осмысления.

Отметим, что проблема соотношения права и религии была предметом исследования философов, юристов, богословов с древних времен. И то, что мы сегодня имеем в этой

области, является достоянием почти трехтысячелетнего периода познавательных изысканий, философской рефлексии, научного анализа проблем сферы взаимодействия права и религии. Эти проблемы зарождались и осмысливались в различных цивилизациях (Индия, Китай, Иудея, Египет, Эллада) по-разному, объединяясь с господствующими теологическими концепциями, они становились основанием соответствующих систем религиозных догм и правил, в частности древнеиндийской, иудейской, христианской, мусульманской традиций. История свидетельствует о тесной взаимосвязи религии и права, которая косвенно стала причиной происхождения права из религиозных традиций, как на Западе, так и на Востоке¹.

Можно сделать предварительный вывод, что дисциплина «правоведение религии» имеет значительные теоретические и практические достижения в социально-правовом познании. Это фиксируется значительным массивом философских и правовых, политологических и теолого-богословских трудов, в том числе и теоретических наработок последних десятилетий², анализ которых свидетельствует о многоаспектности и многогранности предметного поля правоведения религии. Последнее возникает как дериват объекта, который в теоретическом и практическом смысле отражает содержание правоведения религии. В таком значении правоведение религии эксплицирует совокупность общественных отношений (во всех ипостасях их проявления), которые формируются в процессе функционирования религии, религиозной и светской правовых традиций в их взаимосвязи, взаимодействии и взаимной коррелятивности. Можно с определенной вероятностью подытожить, что именно исследовательские объект и предмет, которыми системно и комплексно должна заниматься правоведение религии, являются одновременно структурообразующими последней. Другими словами, речь идет о двух важных компонентах архитектоники правоведения религии:

а) совокупность религиозных правовых норм, процессов, которая конституирует как внутреннее, так и внешнее (в публичном проявлении) религиозное право как своеобразную конституцию конфессий.

Религиозное право является одним из основных исторических форм права, как форма наиболее согласованного взаимодействия права и религии, специфический синтез религиозных и юридических норм, предписаний, которые предстают как своеобразный императив в жизни верующих, религиозных сообществ, их институтов;

б) матрица светских правовых норм, соответствующих законодательных актов, конституционных положений, других нормативных предписаний (узаконенных государством), касающихся сферы государственной политики относительно религии и церкви (религиозных организаций), обеспечения свободы бытия религии в обществе.

Предметное поле правоведения религии охватывает:

а) религиозные и юридические закономерности формирования и развития религиозной правовой традиции, религиозных правовых систем в их конфессиональном проявлении; их сущность и практическое значение; религиозные предпосылки светского права;

б) религиозные и светские правовые институты в их взаимосвязи;

в) светские законодательные акты, касающиеся публичной сферы религии, в частности свободы деятельности религиозных организаций, государственно-

¹ Тихонравов Ю. В. Судебное религиоведение — М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998.

² См.: Залужный А. Г. Право. Религия. Закон. — М.: Научная книга, 2008; Клочков В.В. Религия, государство, право. — М.: Мысль, 1978; Тихонравов Ю. В. Судебное религиоведение — М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998; Морозова П. А. Государство, право, религия // Актуальные проблемы современного права. Материалы научно-практической конференции (г. Курск, 14-15 апреля 1995 г.) — М.: Магистр, 1995; Права человека и религия. Хрестоматия. — М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001; Рабинович С. П. Права людини в природно-правовій думці католицької церкви (за матеріалами соціальної доктрини католицизму). — Львів: Львівська лабораторія прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України, 2004; Релігійна свобода. Науковий щорічник Вип. 1—13. — К., 1996—2008; Ярмол Л. В. Свобода віросповідання: юридичне забезпечення в Україні. — Львів: Львівська лабораторія прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України, 2006; Пчелинцев А. В. Свобода религии и права верующих в современной России. — М.: Юриспруденция, 2007.

конфессиональных отношений, их законодательного обеспечения, теоретических основ свободы вероисповедания, церкви (религиозных организаций), правовых механизмов их гарантирования и обеспечения.

Предметное поле правологии религии является полиаспектным. Его экспликация требует дальнейшей разработки категориально-понятийного аппарата, в частности таких понятий, как: «религиозно-правовая традиция», «теономное правосознание» «религиозное право», «каноническое право», «внутреннее церковное право», «религиозные нормы», «внешнее публичное религиозное право», «государственно-конфессиональные отношения», «церковная дисциплина», «правовой статус религиозных организаций», «свобода вероисповедания», «свобода церкви», «свобода в религии», «свобода совести». Предметное поле дисциплины охватывает также проблемы международных правовых актов, касающихся свободы совести, свободы религий, убеждений, законодательного обеспечения свободы бытия религии в современном обществе.

Таким образом, правология религии становится важной отраслью религиоведческого знания, которое позволяет осмыслить широкоую в своем проявлении проблему взаимосвязи религии и права в его конфессиональном измерении, вопросы религиозной правовой традиции, внутренних и внешних религиозно-правовых регуляторов бытия религиозных организаций, а также объемного пласта законодательного обеспечения светским государством свободы функционирования религии, церкви (религиозных организаций) в обществе, правовых аспектов этого бытия. Правология религии, как и другие религиоведческие дисциплины, основывается на собственной теоретико-методологической основе, взаимодействуя с другими методологическими традициями.

Правология религии делает возможным системную теоретико-правовую религиоведческую экспликацию особенностей конфессионально определенных религиозных правовых традиций, форм и уровня взаимосвязи, взаимодействия религии и права, которые выступают как ценностно-нормативные регуляторы системы, что так или иначе влияют на религиозный и светский сегменты жизни людей, на систему общественных отношений во всем многообразии их проявления.

Специфика методологического аспекта анализа проблемного поля правологии религии заключается в необходимости учета особенностей различных конфессий, религиозных направлений, движений, их территориальную и региональную распространенность, правовой статус, место и роль в обществе. Речь идет, в частности, о конкретной религиозной «нормативности» определенной конфессии, церкви, религиозной организации, о государственно-конфессиональных отношениях, их юридических основаниях. В таких обстоятельствах должны приниматься во внимание темпоральные аспекты (в историческом контексте) формирования религиозных норм права, религиозной правовой традиции конкретной конфессии, закономерностей, обусловивших развитие взаимосвязи религии и права, взаимоотношений религии и политики в их юридическом выражении, адаптивной способности той или иной конфессии, церкви, религиозной общины в общественном ее проявлении; правовые параметры свободы и их функционирование в социуме.

Деятельность религиозных организаций и их институтов регулируется церковным правом (одной из составных частей религиозного права). Понятие «церковное право» отражает совокупность религиозно легитимизированных норм, юридических предписаний, которые определяют организационную структуру церкви, ее внутреннее устройство и деятельность. Другими словами внутреннюю структуру церковного права составляют специальные нормы, выработанные в процессе исторического генезиса церкви, ее институализации. Церковное право касается в основном христианских конфессий, вероисповеданий. Богословы католической и православной церковью видят источник церковного права в правотворческой воле церкви, что является, по их мнению, особым проявлением божественного волеизъявления, его материализации в форме норм и правил. Важно отметить, что чем теснее были связи между церковью и государством, тем активнее последнее вмешивалось в ее внутренние дела (как это было, в частности, в Российской империи, а в отдельные периоды и в некоторых странах Европы), тем больше светских юридических норм были инкорпорированы в церковное право.

С позиций системного подхода правология религии исследует генезис становления и развития, факторы и условия функционирования норм и принципов религиозного права в целом и церковного (канонического) права, в частности, их структуру, содержание, а также конфессиональные особенности зрелых религиозных систем. Примером являются (по мнению В. Ключкова, Н. Гледона, М. Гордона, Т. Козлова и др.) иудейское право, мусульманское (исламское) право, индуистское право, каноническое право христианских церквей.

Как уже было сказано, важное значение в правологии религии приобретает такой понятийный конструкт, как «религиозная правовая традиция» (исторически сложившееся специфическое правовое явление), центральным стержнем которой была и есть религия (как мировоззрение и идеология) в ее конфессиональном проявлении. Религиозная правовая традиция (что уже отмечалось) неразрывно связана с конкретным четко определенным (учитывая «божественное происхождение») нормативным регулированием (предписаниями, запретами, правилами поведения, санкциями и нормами защиты от нарушений), которые формируют и определяют императивное поведение верующих. В правологическом значении важным с методологической точки зрения выступает теоретически обоснованное положение, что каждое правовое явление (в том числе религиозная правовая традиция) по существу предстает «как ансамбль» внутренних связей, необходимых отношений между противоположностями с характерной для них логикой взаимодействия. И эта «оппозиция внутренних противоречий» является универсальной онтологической основой различных форм сущего, в том числе и всех без исключения правовых явлений, в частности и в религиозном измерении³. Эти универсальные принципы, акцентируя на истинности религиозных правовых норм и смыслов (в их божественности), формируют характерную черту религиозной правовой традиции, что отражает: объективность правовых норм и правовой системы (являющихся частью религиозной правовой традиции); исторический континуитет норм права и правовых систем; авторитет; универсальность; символичность права. Также важным является принцип эффективности религиозной правовой традиции, который определяется как своеобразный баланс «трех основных составляющих механизма правового регулирования в религиозной сфере бытия: правотворчество; правореализация; правосознание»⁴. При этом религиозная правовая традиция является субъективным фактором, составной частью мировоззрения верующего человека. Правосознание верующего человека (или теономное правосознание) представляет собой совокупность индивидуальных духовных качеств, обеспечивающих ориентацию в сфере религиозной правовой традиции. Теономное правосознание руководствуется императивами сакрального характера, которые сконцентрированы в священных текстах и подчинены строгой иерархии конфессиональных смыслов, ценностей и норм. Это прослеживается в плоскости анализа правосознания, его ориентированности у верующих, в частности христианской и исламской конфессий⁵. Таким образом, каждая религиозная правовая традиция (в более узком смысле — религиозное право) предстает как правовое явление (правовой феномен), которое сложилось исторически в ходе становления и развития той или иной религии, на почве конфессионально-нравственной доктрины, форм, норм и предписаний религиозного права, закрепленных в священных текстах или преданиях, решениях соборов, которые в темпоральном измерении сохраняют свою непрерывность, преемственность и воспроизводятся в религиозной практике (обрядов, ритуалах, символах), бытии верующих, их поведении. Религиозной правовой традиции присуща четко акцентированная доктринальность и концептуальность, стабильность и глубокое внедрение в конкретное конфессиональное пространство и религиозный образ жизни верующих.

³ Бачинин В. А. Малая христианская энциклопедия: В 4 т. — СПб.: Шандал, 2004. — Т. 2. Социология, политология, правоведение. — С. 230.

⁴ См.: Козлов Т. П. Религиозная правовая традиция (теоретический аспект) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://http://lawtheses.com/religioznaia-pravovaya-traditsia>, свободный. Название с экрана. — Язык рус.

⁵ См. подробнее: Бачинин В. Российские типы христианского правосознания // Религия и право.— 2007. — № 3.— С. 34—38.

Важное значение для правологического дискурса приобретает такая характерологическая черта религиозной правовой традиции (или религиозного права), как ее функциональность, что в практическом смысле реализуется рядом функций. Учитывая разработанную американским социологом Т. Парсонсом типологию основных функций любой «системы социального действия», можно выделить основные функции религиозной правовой традиции: адаптивную (для верующего человека, сообщества); целеполагающую, регулятивную, интегративную, антидеформационную («сохранение образца»)⁶.

В предметном поле правологии религии важное место занимает теоретическая экспликация истории становления, развития различных конфессиональных правовых систем, их компаративного анализа, влияния на генезис светского права.

Учитывая вышесказанное самыми развитыми системами религиозного права (в историческом, смысловом, регулятивном и других функциональных измерениях) являются правовые системы индуизма, иудаизма, ислама, христианских конфессий — католицизма, православия.

Известно, что характерной чертой правовой системы индуизма является ее тесная связь с религиозным учением, религиозно-философскими основами, которые присущи всем сферам, нормам религиозно-социальной регуляции. Согласно религиозным представлениям приверженцев индуизма, в основе активной жизнедеятельности человека лежит триада: дхарма — путь праведности, добродетели, осуществления религиозного долга; артха — интерес, польза, успех в обществе; кама — любовь, наслаждение, удовольствие. Первенство в этой триаде принадлежит дхарме как совокупности требований (обязанностей), которых должен придерживаться каждый приверженец индуизма. Дхарма определяет приоритеты в действиях и поступках человека, учитывая особенность кастовой системы. Нормы, правила, предписания, заповеди, обычаи нашли свое выражение в соответствующих сутрах, шастрах. Самым известным сборником, составленным в школах брахманов, является «Наставление Ману о дхарме» («Законы Ману») — обширный свод религиозных, юридических и других норм, которым приписывается сверхъестественное происхождение. «Законы Ману» содержат императивные нормы, предписания и санкции за их невыполнение в трансцендентном и светском измерениях.

«Законы Ману» предлагают религиозно оформленную правовую диспозицию (нормы разрешения или запрета) в решении проблем организации государственной власти, судопроизводства, семейно-брачных, сословно-кастовых, имущественных отношений и т.п.⁷.

Свои особенности имеет также одна из самых древних религиозных правовых традиций — иудейское право (еврейское религиозное право). Его история насчитывает более трех тысяч лет. Еврейское религиозное право характеризует наличие целого ряда принципов, нормативных положений, которые нашли свое отражение в соответствующей части (разделе) Ветхого завета — Торе (от евр. — «книга закона»), которая является главным источником иудейского права. Дальнейшее развитие иудейское (религиозное) право получило в Талмуде (от евр. — «изучение») — значительном по своему объему кодексе религиозных, этических и правовых норм иудаизма. Сторонники последнего считают его авторитетным «Устным Законом», который дополняет Священное Писание. Для верующих евреев Талмуд является основой иудейской морально-правовой системы. В Талмуде, в той его части, которая получила название «Галаха» («Халаха»), сосредоточена нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев. Это юридический комментарий, посвященный детальному разъяснению сути практического выполнения 613 заповедей Закона, регулирующих все аспекты жизни евреев. Исследователи Талмуда считают, что именно в нем сформулирована вся совокупность норм, предписаний, запретов, обрядовых регламентаций иудейской религиозно-правовой традиции. Все религиозные обряды, литургия, законы (например, семейно-брачные), которые действуют и сегодня, нашли в Талмуде свое религиозно-правовое измерение. Талмуд формулирует также нормы,

⁶ Бачинин В. А. Малая христианская энциклопедия: В 4 т. — СПб.: Шандал, 2004. — Т. 2. Социология, политология, правоведение. — С. 220.

⁷ Ключков В. В. Религия, государство, право. — М.: Мысль, 1978. — С. 122—123.

регулирующие морально-правовое отношение верующих иудеев к Богу, а также к сфере других взаимоотношений людей. Причем «эта регуляция чрезвычайно детализирована, особенно в части запретительных норм, не выполнение которых влечет за собой определенные санкции, в том числе и судебные»⁸.

Мусульманское право занимает особое место в правовологическом анализе религиозных правовых систем. Эта особенность заключается в том, что в исламе религия и право находятся в неразрывной взаимосвязи. Мусульманское право характеризуется подробностью и скрупулезностью, а его нормативно-регулятивная часть носит универсальный характер и касается всех сфер бытия мусульманина. Система религиозно-правовых норм, а также религиозно-обрядовых предписаний, которая главным своим источником называет Коран и Сунну, эксплицируется через термин «шариат» (от араб. — [правильный] путь, образ действия). Шариат — свод норм мусульманского права, религиозных установок, правил поведения и морально-этических норм, регламентирующих жизнь мусульман от рождения до смерти. Шариат не имеет аналога в других религиозных системах и содержит как светские нормы, так и религиозные требования⁹.

В реинтерпретации отдельных исследователей шариат предстает в виде теоретической и практической модели исламского образа жизни, который был и остается мощным символом, источником мотивов поведения в религиозной, повседневной жизни верующих, основой их действий и поступков. Другими словами, шариат регулирует религиозную, социальную, семейно-бытовую и другие сферы жизнедеятельности мусульман, включает нормы конституционного, административного, уголовного, брачного права, предписания о хадже, газавате, молитвах, постах и тому подобное. Шариат, как в целом и мусульманское право, «считается Божественным законом, который несут людям тексты Корана, хадисов и сочинения религиозных авторитетов»¹⁰, исламских богословов-законодателей. Социально-нормативную регламентацию положений шариата, мусульманского права дает фикх (от араб. — глубокое понимание, знание). Согласно шариату, есть пять категорий поведения и действий верующих в их практической жизни: «обязательные приказы, рекомендательные наставления, моральные разрешения, непозволительность и запреты, которые в своей совокупности регулируют почти все сферы личной, социальной, политико-правовой, экономической, морально-бытовой жизни мусульман, а также отношения между правоверными мусульманами и представителями других конфессий»¹¹.

Шариат четко формулирует систему социально-религиозных запретов и санкций за их нарушение: пьянство, азартные игры, супружеская измена и прочее, которые мешают верующему сохранить свою религиозную, душевную, телесную чистоту и чистоту питания. В некоторых мусульманских странах законодательно запрещено вероотступничество (Ливан, Саудовская Аравия), установлена конституционная норма защиты ислама (в частности, в Йемене). Известно, что сегодня ислам является государственной религией в 30 странах мира, где шариат полноценно функционирует во многих сферах общественной и личной жизни и выступает как конституированная регулятивно-правовая система (Саудовская Аравия, Оман, ОАЭ, Иордания, Алжир, Иран, Индонезия, Пакистан, Кувейт, Марокко).

Таким образом, в мусульманском праве «религия является основой духовного и политического объединения народа, сохранения целостности государства, прочности и стабильности правопорядка»¹². Отметим, что институтом, который осуществляет правосудие в странах, где государственный строй основывается на постулатах ислама, является шариатский суд. Соблюдение норм, предписаний, запретов мусульманского права вплетено в

⁸ См.: Вихнович В. П. Талмуд // Религиоведение. Энциклопедический словарь. — М.: Академический проект, 2006; Ключков В. В. Религия, государство, право. — М.: Мысль, 1978.

⁹ Присухін С. І. Релігієзнавство: Навч. посіб. — К.: КНЕУ, 2005. — С. 116.

¹⁰ Ильчук Л. І. Исламське право // Юридична енциклопедія: В 6 т. / Редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова кол.) та ін. — К.: «Укр. енцикл.», 1998. — Т. 2: Д—Й. — 1999. — С. 725.

¹¹ Осипян Б. Влияние различных религий на право и законы народов // Религия и право: Информационно-аналитический журнал. — 2007. — № 2 — С. 38.

¹² Ильчук Л. І. Исламське право // Юридична енциклопедія: В 6 т. / Редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова кол.) та ін. — К.: «Укр. енцикл.», 1998. — Т. 2: Д—Й. — 1999. — С. 725.

систему законодательства части азиатских и африканских стран, в повседневную жизнь верующих — мусульман, в плоскость всех общественных, религиозных, межконфессиональных отношений. Сегодня центральной проблемой мусульманского права становится вопрос о том, как может мусульманская правовая традиция, которая составляет единую нормативно-регулятивную основу исламской цивилизации, адаптироваться к изменениям современного мусульманского общества¹³.

Среди обозначенных нами религиозных правовых систем, которые являются предметом анализа и изучения правоведения религии, своеобразной в религиозном нормативно-регулятивном контексте выступает христианская система канонического права. В своей основе, историческом измерении она касается прежде всего католической и православной церквей, хотя определенные системные блоки этого права, предписания действуют и в протестантизме. Каноническое право в христианской правовой традиции предстает как система норм, предписаний, которые основываются на церковных канонах, правилах. Канон (от греч. «норма», «правило») в христианской традиции является одним из важнейших понятий, которое было заложено в посланиях апостола Павла (Гал. 6:16) как синоним термина «закон» («номос») и эксплицировалось как незыблемое правило христианской жизни, как определенная морально-юридическая норма. В христианстве канонами считают символы веры, учение Иисуса Христа и апостолов, Книги Священного Писания (Ветхий Завет и Новый Завет), извлечения из трудов Отцов церкви.

В католицизме, кроме апостольских правил, определений Вселенских соборов канон содержит также и папские постановления, выдержки из римского права. Каноническое право Православной церкви сформировалось в конце IX века. Состав канонов не является идентичным у католической и православной церквей.

Авторитетности первым кодификациям канонического права («Кодекс Грациана») предоставил Латеранский собор 1215 г. Впоследствии в 1582 г. был утвержден новый «Свод канонического права». Изменения вносились в каноническое право также в 1917 г. и были направлены на урегулирование внутренних правил в жизни и деятельности церкви. В 1984 г. Папа римский Иоанн Павел II утвердил новый Кодекс канонического права (Codex Iuris Canonici), который вобрал определенные новации, вызванные велением времени, изменениями, которые произошли в Католической церкви после Второго Ватиканского Собора. В действующем Кодексе канонического права нормативно-регулятивная система кодифицирована по следующим основным направлениям: общие церковные нормы; иерархическое построение церквей, монашеских орденов; процедуры проведения таинств; проблемы имущественных отношений; религиозные преступления и церковные санкции; вопросы церковного суда; обязанности и права верующих. Последнее охватывает право верующих подавать петиции, жалобы, разрешение на церемониал, на собственную форму духовного начала, свободу объединений, собраний и требование на правовую защиту. Однако, по мнению О. Хёффе, «акцент в этом разделе делается на обязанностях. В нем отсутствует принцип христианской свободы»¹⁴.

Осмысленная специфика канонического права Католической и Православной церквей в плоскости взаимодействия со светской системой права, необходимо учитывать исторический и политический контексты. Например, в «Константиновскую эпоху» (IV в.) канонические нормы христианской церкви легитимизировались императорской властью как государственные нормы закона. В эпоху Средневековья каноническое право было важным инструментом регулятивного воздействия на светскую жизнь, семейно-брачные, имущественные, межгосударственные отношения и тому подобное. Нормативно-регулятивная функция канонического права контролировалась и поддерживалась решениями, санкциями государства, церковного суда, который активно использовался Православной церковью в Российской империи. Сегодня каноническое право остается важным

¹³ Характер и значение исламского права / Всемирная энциклопедия: Религия / Гл. ред. М. В. Адамчик. — Мн.: Современный литератор, 2003. — С. 798—799.

¹⁴ Гёффе Отфрид. Розум і право. Складові інтеркультурного правового дискурсу. — К.: Альтерпрес, 2003. — С. 81.

инструментом решения внутрицерковных проблем.

Каноническое право Католической церкви существенно повлияло на формирование и развитие правовой системы Западной Европы. Как справедливо отмечают исследователи, «каноническое (церковное) право стало первой общеевропейской наднациональной системой права»¹⁵. Институты и правовые процедуры, определенная часть норм, порожденных системой канонического права, стали важным источником национальных правовых традиций Европы¹⁶. В этой связи стоит вспомнить тезис американского юриста и религиоведа Г. Дж. Бермана о том, что основы западноевропейской правовой традиции были заложены Католической церковью, а основой этого процесса стало каноническое право: «Именно церковь впервые научила европейского человека тому, чем является современная правовая система»¹⁷. Итак, для правологического дискурса (проблема соотношения религии и права) важным моментом становится изучение и анализ доминантного влияния религиозного права (в его конфессиональном измерении) на становление, дальнейшее развитие светского права, государственно-правовую жизнь общества, его конституционно-правовую систему.

Правологический анализ религиозно-правовых систем свидетельствует, что каждая конфессия имеет свою исторически сложившуюся правовую традицию, которая является самобытной, самодостаточной, вероисповедально детерминированной подсистемой и которая имеет собственный механизм осуществления нормативно-регулятивных функций как в индивидуальном, так и в общественном религиозном пространстве. Стоит отметить тот факт, что сущностная характеристика этих норм и их телеологическая функция отчасти являются неотъемлемыми друг от друга.

Предметное поле правологии религии подчеркивает важность исследования проблемы действительности религиозных норм в их функциональной определенности. С одной стороны, действительность религиозных норм обеспечивается через привычку, веру, убеждения верующего (что берется за основу), с другой, — силой общего мнения религиозной организации. Внутренним «гарантом обеспечения эффективности религиозных норм является не только добровольность, но и религиозная совесть верующего, а также и система санкций («внутреннего осознания». — Авт.), угроза наказания со стороны высшей силы — Бога»¹⁸.

Как уже было отмечено выше, при исследовании предметного поля правологии религии выделяется его многоаспектность. Известно, что одним из важных сегментов этого поля является совокупность проблем, связанных со свободой совести, свободой религии, вероисповедания, церкви, свободой верующих в религиозной среде и с их правами в конфессиональном пространстве; пониманием и обоснованием этих прав и свобод в различных религиозно-правовых традициях. Значимым (по своей сущности) составляющими правологического дискурса становится вопрос государственно-конфессиональных отношений, целостной нормативной, законодательной базы обеспечения права на свободу вероисповедания, свободу бытия религиозных организаций в социальном пространстве, механизмов реализации этого права.

Компаративный анализ религиозных правовых систем свидетельствует, что каждая конфессия имеет свой взгляд на права и свободы человека, права религиозных сообществ, свои «богословские обоснования» этих проблем. В этой связи отметим, что богословская социальная этика (социальное богословие, моральное богословие) наряду с отдельными «формами философии религии и права, затрагивает и богословскую проблематику, предстает как глубочайшая система взглядов, которая позволяет говорить о правах человека»¹⁹. Права человека в их многоаспектности, в частности права на свободу вероисповедания и свободу

¹⁵ Осипян Б. Влияние различных религий на право и законы народов. // Религия и право — 2007 — № 2. — С. 37—39.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Berman H. J. Influence of Christianity on Western Law // The Sociology of Law.— New-York, 1980. — P. 429.

¹⁸ Гусейнов А. И. Соционормативная сфера культуры. // Вопросы философии.— 2008.— № 8. — С. 46.

¹⁹ Стакхаус М., Хили С. Религия и права человека: богословская апологетика // Права человека и религия. Хрестоматия. — М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. — С. 125.

совести, свободу религии, приобретают большую устойчивость и значимость, если они основываются на стабильной нормативно-правовой и социальной конкретике.

Можно утверждать, что все великие религиозные традиции имели и имеют собственный взгляд, самобытный подход в отношении проблем, связанных с правами человека: «в исламе и индуизме мы можем найти важнейшие элементы религиозной этики, которые относятся к правам человека»²⁰, необходимости их законодательных гарантий. Однако концепция прав человека, в том числе и право на свободу совести, свободу религий, имеет западноевропейское происхождение. История свидетельствует, что именно христианство стало важным источником современных концептуальных подходов к правам человека. Последние имеют не только юридический, но и морально-религиозный смысл. Права человека коррелируют с целым рядом библейских заповедей, как «источника всех свобод», в том числе и свободы совести, а также других прав человека. И это сходство между современными теоретическими разработками в сфере прав человека и библейской правовой мыслью основывается прежде всего на представлениях о достоинстве человеческой личности или в ее религиозной интерпретации как «образ и подобие Божие».

Анализ светских и теологических подходов к пониманию и интерпретации генезиса и основных характеристик прав человека, в первую очередь свободы совести, свободы вероисповедания как ключевых, неизбежно соотносится на Западе с религиозной традицией во всех ее разновидностях. Особый акцент в экспликации права на свободу веры, свободу совести делается на вкладе протестантской этики в духе идей Реформации. Таким образом, идея прав человека в светском и конфессиональном измерениях соотносится с принципом неприкосновенности достоинства всех людей, официальное признание которого должно выражаться в гарантиях свобод и прав человека, прежде всего свободы совести, свободы вероисповедания. В «Общей декларации прав человека» (1948 г.) четко констатируется, что «признание достоинства, присущей всем членам человеческой семьи и равных и неотъемлемых их прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира во всем мире»²¹. Акцент на принципе защиты достоинства человека как сущностной основе его прав и свобод является характерным и для других документов ООН, Совета Европы, ОБСЕ²². Обозначенный принцип соотносится с тем «абсолютным акцентом», который присутствует в документах христианских церквей. В частности, в Декларации о религиозной свободе «Достоинство человека» («*Dignitatis Humanae*», 07.12.1965 г.), принятой на 4-й сессии II Ватиканского Собора, провозглашается, что «люди в наше время всё яснее осознают достоинство человеческой личности (1)... Право на религиозную свободу действительно зиждется на том достоинстве человеческой личности, которое познается и Словом Божиим, данным в Откровении, и самим разумом (2)»²³.

В историческом и юридическом аспектах правоверия религии выделяет проблему прав человека как одну из главных в религиозно-философском дискурсе, сосредотачивая внимание на специфике конфессиональных подходов в ее понимании и определении путей для ее разрешения. Прежде всего это относится к таким основным правам и свободам, как свобода совести и свобода религии. Концептуальные подходы к проблемам свободы совести и свободы вероисповедания имеют апробированные, четко определенные парадигмальные матрицы, свои взгляды на возможность их реализации, прежде всего в индивидуальном измерении²⁴. Например, если динамика и сущностное выявление права на свободу веры, защиту свободного религиозного выбора в западном христианстве концентрируется на личности и соотносится с последней, то культура права восточных цивилизаций

²⁰ Там же. — С. 127.

²¹ Загальна декларація прав людини // Свобода совісті, та віросповідань у контексті міжнародних й українських правових актів чи релігійних документів (витяги) / Упоряд. М. Ю. Бабій. — К., 2006. — С. 11.

²² Свобода совісті, та віросповідань у контексті міжнародних й українських правових актів чи релігійних документів (витяги) / Упоряд. М. Ю. Бабій. — К., 2006. — С. 13, 19, 21, 25, 31, 38, 43.

²³ Декларація про релігійну свободу «Гідности людської — *Dignitatis Humanae*» // Документи Другого Ватиканського Собору. Конституції, декрети, декларації. — Львів: Свічадо, 1996. — С. 375, 377.

²⁴ См.: Бабій М. Ю., Присухін С. І. Свобода совісті та свобода релігії: концептуальна матриця Католицької церкви // Юридична наука. — №3. — 2013. — С. 118—128.

обеспечивает конструктивное решение обозначенной проблемы через духовную принадлежность индивида к группе, коллективу, где ему религиозно и социально комфортно. В таком аспекте правоверия религии рассматривает (в сравнении) право на свободу религии в его конфессиональной интерпретации. Позиция Магистериума Католической церкви относительно свободы религии изложена в упоминавшейся выше Декларации «*Dignitatis Humanae*», которая провозглашает, что «человеческая личность имеет право на религиозную свободу. Эта свобода состоит в том, что все люди должны быть свободны от принуждения, со стороны как отдельных лиц, так и социальных групп, а также какой бы то ни было человеческой власти, дабы благодаря этому в религиозных вопросах никого не заставляли действовать против своей совести и не препятствовали действовать в должных пределах согласно своей совести: как в частной, так и в общественной жизни, как в одиночку, так и в обществе с другими людьми... Это право человеческой личности на религиозную свободу в общественном правопорядке должно признаваться таким образом, чтобы оно стало гражданским правом»²⁵. Декларация сосредоточивает внимание на том, что, действуя по совести, человек свободно познает и принимает императивы закона Божьего, которых должно придерживаться, чтобы объединить себя и Бога, стремясь к окончательной цели своего бытия. «Поэтому нельзя принуждать его (человека. — Авт.) действовать против своей совести, ... особенно в религиозных вопросах»²⁶.

Протестантский взгляд на право на свободу совести четкий и однозначный, вполне соответствует его светскому определению: «Свобода совести включает в себя свободу вероисповедания, т. е. право быть верующим или неверующим, выбирать или менять свою веру. Она также означает право верующих создавать религиозные объединения»²⁷. Протестантские церкви выступают в «защиту (правовую. — Авт.) свободы совести и религиозной свободы как основополагающего права человека в соответствии с библейским учением и международными правовыми документами»²⁸.

Вероучительная парадигма ислама, а фактически Коран (2:236), определяет, что «Нет принуждения в религии», «Кто хочет пусть верует, а кто не хочет, пусть не верует» (Коран, 18:29). Основу свободы веры ислам видит в человеческой совести. Исламские богословы (например, Мухаммад аль-Газли), ссылаясь на Коран, Сунну, утверждают, что ислам гарантирует «абсолютную свободу вероисповедания»²⁹. В широком смысле исламская концепция прав человека была изложена во «Всеобщей Исламской декларации прав человека», принятой в Париже в 1981 г., а также в «Каирской декларации прав человека в исламе» (1990 г.). В этих документах права человека, его свободы признаются подарком Аллаха, поэтому их соблюдение является обязательным, отступление от них запрещено.

Однозначную позицию относительно принципов свободы религии высказал и Всемирный Совет Церквей в своей «Декларации о религиозной свободе» (1948 г.), в которой провозглашено, что «право на свободу религии следует признавать и гарантировать всем людям, независимо от их расы, цвета кожи, пола, языка или религии»³⁰. В Декларации изложены основные принципы свободы религии, свободы на религиозное самоуправление и право на свободу деятельности религиозных сообществ. Разные религии по-разному относятся к вопросу свободы самоопределения человека в сфере вероисповедания.

В отечественном и зарубежном научном и философско-богословском дискурсах преобладает правовая экспликация свободы совести. Последняя обычно редуцируется к

²⁵ Декларация про релігійну свободу «Гідности людської — *Dignitatis Humanae*» / Документи Другого Ватиканського Собору. Конституції, декрети, декларації. — Львів: Свічадо, 1996. — С. 376—377.

²⁶ Там же. — С. 378.

²⁷ Свобода совісті, права і гідність людини. Позиція протестантських церков (18.12.2003) // Свобода совісті, та віросповідань у контексті міжнародних й українських правових актів чи релігійних документів (витяги) / Упоряд. М. Ю. Бабій. — К., 2006. — С. 153.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Мухаммад аль-Газли. Права человека в исламе.— М.: Андалус, 2006. — 176 с.

³⁰ Декларация про релігійну свободу. Документ Всесвітньої Ради Церков // Свобода совісті, та віросповідань у контексті міжнародних й українських правових актів чи релігійних документів (витяги) / Упоряд. М. Ю. Бабій. — К., 2006. — С. 148.

понятию «свобода религии», или чаще — «религиозная свобода» и рассматривается через отношение человека к религии в аспекте его права быть верующим или неверующим, агностиком, атеистом. Поэтому в правологическом контексте чрезвычайно актуальным становится правовое определение понятий «свобода совести», «свобода вероисповедания», «свобода религии», «свобода церкви (религиозных организаций)», «свобода в религии», соотношений между этими понятиями, их структурного и функционального своеобразия. Подчеркнем, что содержание понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» (как подается во многих международных документах, законодательных актах Украины) не является тождественным, сферы их социально-правовой актуализации совпадают только в религиозной плоскости, где право на свободу совести предстает как право на свободу религиозной совести. Важным является и то, что свобода религии имеет внутреннее и внешнее проявление. Внутреннее проявление свободы веры как свободы религиозного самоопределения не является предметом (объектом) правового регулирования. Право не может регулировать сам процесс вероисповедного выбора. В таком смысле право предстает как формально внешнее, оно лишь определяет границы, возможности, гарантии внешне реализованного проявления свободы вероисповедания.

Свобода вероисповедания предстает как процесс материализации религиозного самоопределения через самоутверждение личности в системе избранных религиозных координат. Самореализация (религиозная) как внешнее (публичное) проявление свободы вероисповедания требует определенного правового пространства, то есть комплекса правовых норм, гарантий, которые делают возможным практическое осуществление свободы веры. Именно в этом правовом поле и происходит религиозная самореализация личности.

Институт свободы совести, свободы вероисповедания в Украине предстает как своеобразный континуум конституционных положений, норм, законов, нормативных документов и юридически оформленных механизмов реализации права на этот вид свободы в ее индивидуальном и общественном измерениях. Правология религии анализирует, изучает специфику реального действия такого рода институтов в Украине и других странах, их эффективность в обеспечении принципа свободы совести, права на религиозную самореализацию личности, защиты этого права. Каждое государство имеет свою специфику, свои особенности в решении этих вопросов, детерминированных историческим, социально-политическим, конфессиональным контекстом. Особую важность имеет соответствие законодательного поля различных государств в этой сфере международным правовым документам по проблемам свободы мысли, совести, религии.

Международное сообщество создало разветвленную и эффективную систему защиты прав людей и свобод, в том числе и свободы совести, религии. На уровне ООН, Совета Европы, ОБСЕ, других региональных международных организаций принято значительное количество правовых документов, которые в той или иной степени затрагивают основные аспекты обеспечения свободы совести, религии, деятельности религиозных организаций. Причем характерной особенностью определенного вида международных документов становится тенденция более детальной, системной и полной защиты прав человека на свободу совести, свободу вероисповедания. Анализ этих документов, уровня их влияния на формирование юридического поля различных стран относительно обеспечения свободы совести, мысли, религии, их потенциала в правовом измерении, является одним из важных в правологическом дискурсе.

Учитывая указанное выше, следует отметить, что наиболее актуальной является проблема изучения более чем 50-летнего опыта деятельности Европейского Суда по правам человека и влияния его решений в сфере свободы вероисповедания (в плоскости прецедентного права) на законодательство различных государств, в том числе и Украины. Не менее важными в правологическом дискурсе становятся проблемы государственно-конфессиональных отношений, разных моделей их проявления, принципов концептуального оформления законодательного пространства их функционирования.

Требуют своего углубленного правологического осмысления значительные по своему объему и важности вопросы практики обеспечения статуса светского государства, равенства

всех религиозных организаций перед законом, свободы их функционирования в обществе, свободного выполнения ими своей миссии. Основными элементами процесса законодательного обеспечения конституционных прав человека в сфере свободы религии являются, прежде всего, четкие гарантии их реализации, система контроля и надзора за этим процессом, которая служит важным средством реализации свободы вероисповедания в ее индивидуальном и общественном измерениях. Одновременно правология изучает, анализирует практику, формы, факторы, обуславливающие законодательную необходимость системы ограничений права на свободу совести, свободу религии, их нормативную базу, а также юридическую практику санкций за ее нарушение.

Итак, современная правология религии предстает как важная отрасль религиоведческого знания. В теоретическом и практическом измерениях она эксплицирует совокупность отношений, которые складываются в процессе функционирования религии в обществе, конфессиональные правовые традиции, нормы, предписания, а также светские законы, нормативные акты, которые касаются публичных аспектов бытия религии, религиозных организаций, их институтов, проблем свободы религии, свободы церкви, свободы в религии.

Рассмотренное нами проблемное поле правологии религии в своем предметном разнообразии является полиаспектным, значительная часть его проблем остается открытой для дальнейших исследований. Однако имеющиеся в научном дискурсе (философии, юридической и религиоведческой науках) теоретические, эмпирические материалы, которые так или иначе относятся к очерченному нами предметному полю религиоведческого знания, ставят проблему практического конституирования правологии религии как нового дисциплинарного образования, как важной и необходимой в научном и практическом аспектах составляющей его архитектоники.

Александр САГАН

1.2. ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ, ВНЕШНЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СВОБОДЫ РЕЛИГИОЗНЫХ И ИНЫХ УБЕЖДЕНИЙ

В условиях современной Украины, несмотря на 25-летие ее независимости, вопросы идентичности/самоидентичности не утратили в ней своей актуальности. Сразу оговорюсь, что такая ситуация существует не только в Украине. Эти вопросы не утратили своей актуальности во всем мире и даже, казалось бы, такой благополучной во всех отношениях Европе.

В своей статье я не буду останавливаться на популярном сейчас в Украине этнонациональном аспекте проблемы идентичности (этот фокус рассмотрения также выходит за рамки темы нашей статьи), а сосредоточусь на внешних проявлениях свободы религиозных убеждений у нас в стране.

Тут не обойтись без теоретической части анализа, поскольку единой точки зрения на вопросы идентичности не существует. Поэтому коротко о моих подходах к рассмотрению идентичности.

Сразу подчеркну, что свобода религиозных убеждений рассматривается мной в рамках партиципативной стратегии построения персональной идентичности (определение себя через принадлежность к какой-то группе и противопоставление другим группам). Более детально об этом можно почитать в работе немецко-британского цивилизациолога Норберта Элиаса «Общество индивидов» (М., 2001).

Партиципативная идентичность, конечно же, не является целостной и, в этом я солидарен с немецким социологом Алоизом Ханом, проявляется в форме функциональной (специализация/хобби индивида) и сегментивной (прежде всего – расовая, национальная,